

Глава вторая

Герой — идеолог у Островского

2.1. Несчастливцев и Жадов

Советские литературоведы нередко писали, что «Островский заклеил представителей крепостничества в ряде сатирически заострённых образов и явился одним из первых изобразителей дворянского оскудения — социально-экономического и морального»¹.

Действительно, Островский — критик, обличитель дворянского сословия, его морали, идеалов, образа жизни. Однако, оставаясь верным правде, драматург сумел взглянуть шире собственных симпатий и антипатий. На наш взгляд — это одно из наиболее ценных качеств таланта Островского. Полнота изображения жизни, которую так ценили еще в раннем творчестве Островского некоторые современники, прежде всего сотрудники молодой редакции «Москвитянина», проявилась здесь в том, что драматург сумел увидеть и в мире разлагающегося дворянства, среди чиновничества людей, вызывающих уважение, сочувствие, симпатию.

Например, Несчастливцев и Жадов, герои из дворянской среды, могут быть охарактеризованы в качестве положительных.

У героя пьесы «Доходное место» Жадова на редкость сложная репутация, созданная театральными и литературными критиками. Нет другого персонажа Островского, который трактовался бы столь противоречиво. Достаточно сделать краткий анализ критических

¹ Ревякин А.И. Драматургия Островского. М., 1973. С.55.

замечаний о Жадове, чтобы в этом убедиться.

Первые же отзывы о Жадове носили самый разный характер. Одни считали, что Жадов не знает, за что ему бороться, он человек, умеющий говорить, но не умеющий отвечать за свои слова. Критик «Санкт-Петербургских ведомостей» в статье «Доходное место» писал: «...Островский силится показать, что Жадов — человек твёрдых убеждений, который может споткнуться, но поступить против правды и остановится на дурном — никогда...автор пытается прикрыть и даже заглушить существенные черты Жадова, его пустоту, ничтожество, малодушие, бесхарактерность, ограниченность взгляда и умственных потребностей — все, что проявляется не в словах его и фразах, а в поступках» [1857, №115].

В другой рецензии в той же газете Жадов характеризуется так: «молодой, образованный человек, прекрасно рассуждающий о взятках. Но все его прекрасные рассуждения разлетаются в пух от одного каприза дурно воспитанной женщины» [1857, №115].

О.Ф.Миллер писал, что «Жадов, во-первых, простодушен...Его смущают обвинения со стороны Вышневого...Вся разница между Белогубовым и Жадовым состоит в том, что Белогубов и на словах исповедует то, что делает, а Жадов умеет говорить громкие фразы»².

Другие склонялись к тому, что Жадов человек недалёкий, слабый: «Жадов детски наивен, нельзя предположить у него выработанных жизнью убеждений. Пасует перед пошлыми речами ...человек влюблённый в такую дуру, как Поленька, не мог устоять против подводных камней действительной жизни»³.

² Миллер О.Ф. Русские писатели после Гоголя. Т.3. М., 1910. С.8.

³ Зелинский В.А. Критические замечания к сочинениям Островского. М., 1914.

Наиболее интересную характеристику образа Жадова дал рецензент «Вестника Европы» Е.Утин в статье, посвященной другой пьесе, «На всякого мудреца довольно простоты»: «Жадов был действительным типом того времени... Жадов не крепкая натура, не человек с выдержанными, закалёнными убеждениями: он весь состоит из одних порывов, но порывов как нельзя более благородных... Он искренно, незаметно, может быть, для самого себя, рисуется этими убеждениями, хвастается ими, что обличает тотчас же, что эти убеждения не вошли в его плоть и кровь, что они не выработаны им самим, а только наваяны ему... всё легко, не потому, что... есть действительная сила для борьбы, а только потому, что... не пришлось еще столкнуться с будничною жизнью. ... С убеждением, основанным на вере, а не с убеждением, основанным на внутренней выработке, выступают и выступали эти люди в борьбу с физической силою; что же удивительного, что они лично должны были потерпеть поражение... честная, искренняя натура противится общей заразе... Были, без сомнения, не падавшие и не спотыкавшиеся, как Жадов, но эти люди были исключительные явления, до которых драматургу мало дела, если он хочет рисовать общий тип, жизнь как она есть...»⁴.

Как показано выше, при своем появлении «Доходное место» вызвало массу упреков у критиков в адрес образа Жадова. Позже литературоведы отзываются о Жадове по-разному. Например, Н.И.Тотубалин расценил Жадова как: «Противоречивый образ — результат либеральных иллюзий Островского»⁵. А.И.Ревякин, напротив, пишет о Жадове как о

⁴ Цит. по: Зелинский В. Критические комментарии к сочинениям А.Н.Островского. Ч.3-4. М., 1903. С.150-154.

⁵ Тотубалин Н.И.Творчество А.Н.Островского в русской критике. ЛГУ, 1965. С.66.

представителе трудовой интеллигенции, человеке, желающем вести жизнь трудовую и честную⁶.

Нам трудно согласиться с некоторыми истолкователями «Доходного места» в том, что существенные черты Жадова — пустота, ничтожество, малодушие, бесхарактерность, ограниченность взгляда. Островский задумал образ Жадова как близкий самому автору, зрителю и читателю. С самого начала искренность слов и тона Жадова не вызывает сомнений. Другое дело, что, как отмечает Утин, «его убеждения не вошли в кровь и плоть, не выработаны им, а только наваяны ему»⁷.

Вот что говорит Жадов: «Но во всяком случае, как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которым я обязан воспитанию» [Т. 2] Речи Жадова, особенно в начале пьесы, пылки, громки, и Островский не скрывает своего отношения к ним, ставя Жадова при всей его приверженности к неподкупной честности в несколько фальшивое положение материальной зависимости от дяди. Однако Жадов искренен, возможно, он плохо знает жизнь, пассивен, он сам верит в то, что говорит. Любовь Жадова к Полине, безусловно, не в пользу Жадова, она говорит о наивности и неискренности героя. Любовь Жадова к Поленьке стала таким же пробным этапом, как его служебная карьера. Если Поленька была бы более скромна, менее претенциозна, Жадову не пришлось бы пережить столько. Островский создал отличную ситуацию, в которой подверглась проверке реплика Жадова о том, что он никогда не уступит даже «миллионной доли» своих убеждений.

Кроме того, важен тот факт, что Полина привлекательна для Жадова в

⁶ Ревякин А.И. А.Н.Островский. Жизнь и творчество. М., 1949.

⁷ Утин В. «На всякого мудреца довольно простоты». «Вестник Европы». 1869.

значительной степени тем, что она, кроме всего прочего, — объект для деятельности, для достижения, для внушения своих убеждений. Это такая же возможность для Жадова преодолеть свою «жизненную преграду», но только не в общественном, а в личном плане.

Когда Жадов приступает к осуществлению своих планов «жить трудом», то ситуация несколько меняется, нельзя не согласиться с тем, что все его прекрасные рассуждения не имеют под собой почвы. Жадов выглядит уже не как юноша, говорящий громкие фразы, он сталкивается с реальной жизнью и её трудностями. И он усердно борется с ними. Но трудности такого характера, что вести с ними длительную борьбу невозможно. Подлинный драматизм слышится в словах Жадова: «Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я!»[Т. 2] Добролюбов весьма точно заметил: «С половины пьесы он (Островский) начинает опускать своего героя с того пьедестала, на котором он является в первых сценах, а в последнем акте показывает его решительно не способным к той борьбе, какую он принял было на себя. Но в этом не только не обвиняем Островского, но и напротив, видим, доказательство силы его таланта. Он, без сомнения, сочувствовал тем прекрасным речам, которые говорит Жадов; но в то же время он умел почувствовать, что заставить Жадова делать все эти прекрасные вещи — значило бы исказить настоящую русскую действительность»⁸.

В том, что Жадов отступил, — не его вина, а вина обстоятельств — условий «настоящей русской действительности». А.И.Журавлева отмечает, что «нормальный, естественный, необходимый быт оказался герою не страшен, но он «сломлен» бытом одичавшим «чиновничьим»⁹.

⁸ Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. Т.5. М.; Л.,1962. С.26.

⁹ Журавлёва А.И. Драматургия Островского. МГУ, 1974. С.66.

В отступничестве Жадова, в том, что он конце концов не выдерживает трудностей, идет просить «доходное место» к дядюшке, сказала не только личная слабость героя, а условия общественной жизни 60-х годов.

Имя Островского не раз ставилось рядом с именем Грибоедова. Отмечалась родственность всего творчества Островского таланту Грибоедова, его бессмертному «Горю от ума». Что касается комедии «Доходное место», то при появлении её критика сразу начала проводить параллель между этими двумя произведениями.

А.М.Скабичевский в статье «Особенности русской комедии» отмечал, что Жадов чем-то напоминает Чацкого¹⁰. Н.П.Кашин писал о сходстве приёмов комедии, о соответствии образов (Вышневикий — Фамусов, Белогубов — Молчалин), но при этом отмечал, что Чацкий, в отличие от Жадова, никогда не пойдет на компромисс¹¹. О родственности пьес писал и О.Ф.Миллер¹². Дальнейшее развитие эта мысль получила в работах литературоведов. Так, например, А.Л.Гришунин пишет, что сам тип сюжета у Островского подобен сюжету «Горе от ума»: симпатичный герой «вступает в столкновение с косной средой и в кульминационные моменты патетически её обличает». Образ Вышневицкого соответствует образу Фамусова, Белогуб — современный — Молчалин, Юсов — Скалозуб. Но нельзя отождествлять, — отмечает далее автор, — Чацкого и Жадова: «Настоящий Чацкий в «Доходном месте» — Любимов. Жадов — Чацкий глубоко преобразованный, историческая метаморфоза его не только апология Чацкому, но и его антитеза... Основные герои комедии Островского представляют исторические модификации

¹⁰ Отечественные записки. №2, 1875.

¹¹ Кашин Н.И. Этюды об Островском. М., 1912. С.60.

¹² Миллер О.Ф. Русские писатели после Гоголя. Спб., 1910. С.180.

соответствующих грибоедовских типов»¹³.

«Известную близость» «Доходного места» и «Горя от ума» признает и Л.М.Лотман, замечая, что, «в отличие от Чацкого, положительный герой комедии Островского не выражает непосредственно мысль автора, не является носителем высокого авторского лиризма и благородного смеха»¹⁴.

Критики справедливо отмечают сходство расстановки действующих лиц, принципов построения пьес. В «Доходном месте» та же ситуация, что и в комедии «Горе от ума»: герой борется с косной средой. При всей разнице характеров Чацкого и Жадова важно то, что у них одинаковая позиция: Жадов, как и Чацкий, выступает в комедии в качестве героя-резонёра, причём ценность позиции Жадова на протяжении всей пьесы не одинакова. В первом действии Жадов не является «носителем высокого авторского лиризма и благородного смеха»¹⁵.

Островский смотрит на Жадова несколько со стороны, часто иронизируя, чего Грибоедов не делает по отношению к Чацкому. По мере движения действия пьесы, по мере развития характера Жадова автор, а вместе с ним и читатель, все более сближается с внутренним «я» Жадова; герой становится «нашим человеком на сцене»¹⁶. Жадов уже не философствует на сцене о пользе добродетели, а делом подтверждает свои слова, что и определяет подлинную ценность его характера.

Однако при всей очевидной симпатии Островского к пьесе Грибоедова, в отличие от своего предшественника, Островский всегда с большим скепсисом относился к всякому теоретизированию, и

¹³ Гришунин А.Л. Островский и Грибоедов. М., 1974. С.81.

¹⁴ Лотман Л.М. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961. С.198.

¹⁵ Лотман Л.М. Островский и русская драматургия его времени. М.-Л., 1961. С.198.

¹⁶ Журавлева А.И. Драматургия Островского. МГУ, 1974. С.63.

положительные герои-резонеры, поданные без тени иронии, у Островского невозможны. Симпатии автора к Жадову растут по мере того, как уменьшается количество громких фраз у Жадова и всё напряженнее становится борьба героя с окружающей пошлостью, ложью, нуждой. О себе Жадов говорит: «Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь»[Т. 2].

У нас есть основания назвать Жадова Чацким 60-х годов, но необходимо учитывать те изменения, которые наложило время на героя. Хотя по отношению к обществу и у Жадова, и у Чацкого единая позиция, но в остальном имеются существенные различия. Прежде всего — это то, что Чацкий один из первых героев в русской литературе, который имеет свои убеждения, наделен автором словом о мире, в котором он живет. Жадов же является только последователем высоких идей Чацкого. Положение Чацкого отлично от положения Жадова. Чацкий во всем противопоставлен фамусовскому обществу и независим от него. Жадов зависит материально от Вышневецкого — своего основного идейного противника, и поэтому положение Жадова несколько фальшиво, двойственно. Существенно и то, что Полина — героиня совершенно иных, чем у Жадова, убеждений — связана с ним семейными узами, более того, Жадов любит её.

Комедия «Лес» написана Островским почти через 15 лет после «Доходного места». Посвящена она другой проблеме и относится к циклу сатирических пьес Островского, разоблачающих пореформенное дворянство. Но эту комедию сближает с «Доходным местом» одно обстоятельство: в «Лесе» есть также герой из дворян, противопоставленный обществу, несущий положительные начала в себе.

У нас нет основания проводить параллели между Жадовым и Несчастливцевым — героем комедии «Лес», кроме этого вышеуказанного обстоятельства.

В комедии «Лес» драматург изображает сложные социальные процессы, которые происходят в России после реформы 1861 года. Комедия «Лес» была написана в 1870 году, по истечении десяти лет после важного исторического события в жизни русского общества — отмены крепостного права. В «Лесе» Островский показывает через семейный конфликт, на примере дворянской семьи, каким образом меняются отношения между различными слоями общества, отношения, которые складывались в России веками. В комедии показано, что в пореформенную эпоху стали возможными не просто встречи людей, разных по своей социальной принадлежности: такие люди могут совершать между собой сделки, вступать друг с другом в споры (хотя также и идти на компромиссы).

Напомним, что в доме помещицы Гурмыжской собираются вместе уездные дворяне Бодаев и Милонов, необразованный, но богатый купец Восмибратов, недоучившийся гимназист Буланов, ощущающий себя баринном, и, наконец, племянник Гурмыжской, то есть дворянин по происхождению, но не по самочувствию и образу жизни, актер Несчастливцев. Сталкивая столь разных людей вместе, Островский отнюдь не симпатизирует дворянам, автор изображает их в основном сатирическими красками, дает исчерпывающую характеристику уездной знати. Собственная речь героев помогает понять, каковы их социальные и нравственные устремления, отношение к современности.

Так, например, Гурмыжская характеризуется автором как «очень богатая помещица», большое внимание уделено характеристике

внешнего облика Гурмыжской, автор о ней пишет в списке действующих лиц: «одевается скромно, почти в трауре, постоянно с рабочим ящиком на руке». Далее автор развенчивает несоответствие внешности и действительного характера Гурмыжской. Деловой вид помещицы вовсе не соответствует тому, каким образом она управляет имением: чтобы обеспечить своего молодого любовника, она вынуждена сводить леса, вступать в переговоры с купцом. Карп, раскрывая, истинную суть происходящего в имении, говорит Несчастливцеву о расточительности барыни:

«Карп. Добрые люди прикупают, а мы все продаем. Что одного лесу продано, что прочего! Набьет барыня полну коробку деньгами и держит их, и гроша никто не выпросит; а тут вдруг и полетят тысячи, и полетят.»[Т. 6]

Соседи Гурмыжской давно поняли и разгадали её двойственную натуру, и шутки Бодаева направлены на то, чтобы разоблачить её. В этом отношении очень выразителен диалог Гурмыжской и Бодаева о Буланове:

«Гурмыжская. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретила с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Бодаев. К супружеству, но не к мужчинам?»[Т. 6]

Еще до появления Несчастливцева в имении Гурмыжской мы узнаем о том, каким образом она воспитывала Несчастливцева, оставшегося на её попечении после смерти родителей, после её рассказа тот же Бодаев упрекает добродетельную Гурмыжскую в скупости и черствости:

«Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости — нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастья!»[Т. 6].

Конечно, Гурмыжская лицемерит, говоря, что она из принципиальных соображений воспитывала Несчастливцева на медные деньги, поскольку образованные люди несчастливы. Гурмыжская в пьесе играет роль добродетельной, набожной, благодетельной барыни, однако наблюдательный Карп говорит о ней правду, что деньги тратятся на любовников:

«Улита. Все бедным да родственникам.

Карп. Как не родственникам!

Улита. А кому же, по-вашему?

Карп. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, так мне верней знать, кому их посылают, родственникам или нет... Доктору французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что землю межует, посылали?»[Т. 6].

Сатирически изображаются «богатые соседи Гурмыжской» Бодаев и Милонов, драматург наделяет их говорящими фамилиями, речь Милонова полна претензий на принадлежность к высшему обществу, привилегированность, особенно смешны его реплики в разговоре с Восмибратовым. Уездная знать, которая изображается в лице Милонова, не желает видеть и знать сути происходящих вокруг изменений: говоря

напыщенные речи, Милонов пытается удержать дворянские привилегии прошлой эпохи, однако автор показывает, что красноречие Милонова устарело, как и привилегии, которые он всеми силами пытаются сохранить. Реплики Милонова напоминают затверженные речи героя дурно понятого «высокого стиля»: «Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями». Не случайно именно Милонова Гурмыжская просит прочитать вслух письмо Несчастливцева, перенасыщенное репликами из мелодраматических ролей, иггранных Несчастливцевым как актером. Реплики Милонова в адрес Гурмыжской неоднократно повторяются, что вызывает комический эффект и отвращение к этому персонажу: «Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...». Ниже: «Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...»[Т. 6]. Автор как бы не дает договорить герою, очень часто его реплика обрывается многоточием, Островский лишает его возможности высказаться вполне, ибо его речь вызывает отвращение. Милонов, подобно Манилову, живет воспоминаниями о временах крепостного права; хотя Милонов совсем не старый человек, он не пытается измениться, а лишь тоскует о том, что ушло безвозвратно. В этом отношении весьма выразителен его монолог, где он идеализирует отношения барина и крепостного, стараясь оправдать эти отношения: «...Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе — как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но зато была

теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознает свой долг! Закон написан в душе людей»[Т. 6].

А.И.Журавлева считает Милонова главным идеологическим оппонентом автора. «Милонов берет на себя задачу оправдывать... весь строй, всю систему, которыми они держатся»¹⁷.

Весьма выразителен образ Уара Кирилыча Бодаева, который выступает в паре с Милоновым. Бодаев является, как и Милонов, противником всего нового, его физический недостаток — глухота — не просто создает комический эффект, но и символизирует разобщенность участников диалога. Бодаев кипит ненавистью к земству, он пытается к месту или не к месту высказаться об этом, поскольку это волнует его более всего. В этом отношении весьма любопытен диалог Гурмыжской, где она пытается по выгоднее представить себя и своего любовника, а Милонов преднамеренно не слышит её и не желает слышать и, пользуясь глухостью, говорит не к месту о том, что для него важнее, — о земстве.

«Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным; я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Бодаев. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Гурмыжская. Кому не заплатите?

Бодаев. На земство, я говорю.

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

¹⁷ Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. МГУ, 1997. С.64.

Бодаев. Никакой пользы, один грабеж.»[Т. 6].

Геннадий Демьянович Несчастливцев является в усадьбу Пеньки с самыми благородными намерениями, чтобы навестить свою родственницу, и постепенно втягивается в борьбу с Гурмыжской, ибо он не сразу способен распознать двойственную натуру героини. Если с дворянами, подчеркивающими свою причастность к сословию, связана сатирическая линия комедии, то с образом Несчастливцев — героическая, высокая линия.

Геннадий Несчастливцев фигура сложная и колоритная. Самые разные пристрастия, взгляды, порывы свойственны этому герою. При внимательном анализе этого персонажа можно обнаружить, что в некоторой степени читатель уже знаком с ним. На наш взгляд, Несчастливцев — это модификация традиционного литературного героя. Причем здесь происходит своеобразное наложение — мы видим в одном образе как бы несколько аспектов изображения дворянского героя. Одновременно можно обнаружить черты благородного дворянства, в лучшем смысле этого слова, и то комическое, что характерно для пародированного «благородного» Миловидова из комедии «На бойком месте». Несчастливцев (Гурмыжский) — потомственный дворянин, и помнит об этом. Он бывший офицер (очевидно, недоучившийся юнкер). В общем, ему присущи некоторые характерные черты его литературных предшественников (таких, как Денисов и Долохов). Это — широта души, типично русский удальской характер, в герое котором уживается пьянство, молодечество, любовь к искусству, чуткая, тонкая душа, бескорыстие и беспутная жизнь. И в то же время в характере Несчастливцева много комического, пародийного.

Несчастливцев предстает перед нами как человек, проживший

большую и значительную часть жизни. О его прошлом мы узнаем из письма его к Гурмыжской, а также по его собственным высказываниям. Хотя перед нами деклассированный дворянин, человек, оторванный от среды, в которой родился, тем не менее, в нем есть уверенность в своём врожденном превосходстве. Первый же диалог с Аркадием Счастливым помогает это понять. Безусловно, здесь сказывается и личная душевная сила Несчастливого, его превосходство как сильной фигуры, но видны и постоянные усилия подчеркнуть своё «я» — не «ты».

В сочетании с теми обстоятельствами, в которых очутились оба героя, сцена встречи Несчастливого и Счастливого выглядит весьма комично. Счастливцев идет из Вологды в Керчь, Несчастливцев из Керчи в Вологду. Оба пешком. Уже эта параллель раздражает Несчастливого. Когда Аркашка полунасмешливо-полузаискивающе спрашивает в свою очередь Несчастливого: «А вы-с, Геннадий Демьяныч?» (пешком ли?). Несчастливцев: (густым басом) «В карете (горячо) Разве не видишь? Что спрашиваешь? Осел!» [Т. 6].

Островский намеренно абсолютно уравнивает положение обоих героев, заставляя Несчастливого делать усилия, подчёркивать, что он ровня Аркаше. Здесь, конечно, сказывается сословная спесь героя, чувство врожденного благородства, убежденность в своём превосходстве, которая сочетается с тем, что Несчастливцев стыдится своего разрыва с дворянским сословием.

Для Несчастливого это собственное превосходство проявляется в том, что он трагик, тогда как Счастливцев — комик («высокий» и «низкий» жанры). «Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики — люди, братец» — объясняет Несчастливцев Аркаше разницу

между ними. Совершенно по-миловидовски звучит фраза Несчастливцева, обращенная к Аркаше: «Ты...тоже! Сравнял ты себя со мной». (У Миловидова: «Ты можешь влюбиться, так как я? Нет, уж это дудки!».) [Т. 6].

Высокомерие Несчастливцева, его повелительное, высокомерное отношение к Счастливицу изображены в комическом свете. Аркаша прекрасно понимает своего товарища, и он превосходит Несчастливцева по знанию жизни. Внешне подыгрывая Несчастливцеву, побаиваясь его, он своими наивными робкими вопросами всё время уязвляет самолюбие Несчастливцева, иронизирует над Несчастливцевым. Несчастливцев с чувством превосходства спрашивает Аркашу о состоянии дел. И каждый раз ему приходится признаваться в равном положении с Счастливицем.

«Несчастливцев. У тебя табак есть?»

Счастливцев. Какой табак, помилуйте! Крошки нет.

Несчастливцев. Как же ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? Глуп.

Счастливцев. Да ведь и у вас нет?

Несчастливцев. "У вас нет". Смеешь ты мне это говорить? У меня такой был, какого ты и не видывал, одесский, первый сорт от Криона, да теперь вышел.

Счастливцев. И у меня тоже вышел.»[Т. 6].

В Несчастливцеве живы чисто сословные предрассудки. Он действительно любит искусство, но в то же время его дворянская гордость ропщет против того факта, что он актёр. Недаром он трагик, недаром он обособляет себя от комика Счастливицева. И когда Несчастливцев возвращается в имение Гурмыжской, он, не желая

разочаровывать тетку, не признается ей, что он актёр: «Несчастливцев. Ну, Аркадий, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братец, чтоб она знала, что я актер, да еще провинциальный. (Грозит пальцем.) Смотри, не проговорись; я Геннадий Демьяныч Гурмыжский, капитан в отставке или майор, уж как тебе угодно будет; одним словом, я барин, а ты мой лакей»[Т. 6].

В то же время он оправдывается перед Аркадием: «Ты не подумай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец; дом такой: тишина, смирение. А ведь мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: скоморох попу не товарищ».

Сознание своего собственного благородства у Несчастливцева не лишено основания. В характере Несчастливцева удивительно сложное сочетание разных сторон благородства. Благородство действительно ведущая черта характера Несчастливцева. Оно проявляется в характере героя на протяжении всей пьесы, поворачиваясь разными гранями: сознанием своего «врожденного благородства», актёрски-наигранным и истинно-человеческим. Несчастливцев совершает ряд благородных поступков, его поведение полностью лишено каких-либо корыстных побуждений. Он помогает вернуть тысячу рублей Гурмыжской, отказывается от денег, которые ему принадлежат по праву, принимает живое участие в судьбе Аксюши, горячо сочувствуя ей, и, в конце концов, устраивает её судьбу. По этой причине в жизни ему приходится нелегко. Он перессорился с антрепренерами, в усадьбе Гурмыжской также ведет себя неблагоприятно. Сам Несчастливцев осознает свой характер, говорит о нем: «Характер, братец. Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю, вот мое несчастье. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искусства не ценят, все копеечники. Хочу

у вас, на севере, счастья попробовать»[Т. 6].

Несчастливцев иногда кажется смешным позёром. Он часто пользуется актерскими фразами, речь его многословна и напыщенна:

«Несчастливцев. Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернист; но я не сойду с него.

Гурмыжская (показывает глазами Буланову, что она очень довольна). Как хочешь, мой друг. Я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев. Мой покой в могиле. Здесь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью к вам, грудь моя полна теплых слез! (Утирает слезы.) Довольно милостей, довольно ласк! Я сделаюсь идолопоклонником, я буду молиться на тебя! (Закрывает лицо рукою и уходит.)»[Т. 6]

Доброта, чувствительность Несчастливцева часто граничит с сентиментальностью. Он может заплакать и тут же заговорить о другом: «Так вот положил он мне руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит...» (Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы.) Лестно. (Совершенно равнодушно.) У тебя табак есть?»[Т. 6].

Несчастливцев, как и большинство благородных натур, крайне простодушен. Рядом с лукавым и наблюдательным Аркашкой он иногда выглядит просто комично. Несчастливцев склонен видеть окружающее в приукрашенном виде, он не только называет, но и воспринимает усадьбу Гурмыжской как «родное гнездо», а Гурмыжскую как «святую женщину», «благодетельницу».

Будучи искренним, честным, Несчастливцев не замечает, что другие его обманывают, надсмехаются над ним. До последнего момента он убежден в непогрешимости Гурмыжской, не замечая, что она вместе с

Булановым смеётся над ним и над его «тёплыми слезами артиста». И только Аркашка раскрывает ему глаза на происходящее. Сам Несчастливцев, «лев» по своему определению, оказывается в житейских делах беспомощным. Несчастливцев плохо разбирается в жизни.

Некоторые истолкователи пьесы, например, Л.М.Лотман, характеризовали Несчастливцева как героя, который сознательно порвал со своим дворянским сословием еще в начале жизненного пути, что это человек, много думавший. Такое понимание героя, на наш взгляд, не вполне подтверждается текстом пьесы. Несчастливцев изображен в значительной степени как человек, живущий прежде всего импульсом чувства. У него прекрасная чуткая душа, доброе, честное сердце — это главное его достоинство. Но это не тот человек, который способен размышлять, анализировать. Несчастливцев живет порывами, часто иллюзиями. Эта душевная непосредственность не умаляет его достоинств, а лишь показывает, что это характер человека чувствующего, но не размышляющего. Поэтому нельзя считать жизненный путь Несчастливцева результатом серьезных размышлений, так же как нельзя говорить и о его сознательном разрыве со своим сословием ради служения искусству. Об этом свидетельствует и сам склад характера Несчастливцева, и то, что мы узнаем о его судьбе из пьесы.

Несчастливцев «после смерти отца остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния». Тетушка приготовила его в юнкера и предоставила его «собственным средствам».

Вот что писал Несчастливцев Гурмыжской: "Тетенька моя благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим жизни письмо пишу вам, с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом

собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению"[Т. 6].

А вот, что говорит он о том, как прошла его молодость, жизнь, Аксюше: «Я мог иметь деньги, мог помочь тебе, мог сделать тебя счастливой; и я промотал, прожил их беспутно; я их втоптал в грязь вместе со своей молодостью, с жизнью»[Т. 6].

С одной стороны, предвидение неуспеха в своей «карьере, достижению», разгульная жизнь, кутежи, недостаток средств заставляют Несчастливцева оставить юнкерское училище, с другой стороны — романтический порыв, склонность к патетике, любовь к искусству заставляют его взяться за актёрское ремесло. В письме к тетушке он писал: «Но не утрашусь! Передо мною слава, слава!» [Т. 6].

Несчастливцев не порывал сознательно с дворянской средой, он прежде всего искал то, что ему «предначертано». В социальном плане Несчастливцев — младенец, о сознательном разрыве его со своей средой мы не можем говорить. В усадьбу Гурмыжской — в родовое «дворянское гнездо» — он приходит с волнением, как в родной дом, почитая и любя свою тетушку. О существовании у Несчастливцева достаточного сознания своей сословной принадлежности уже говорилось. Несчастливцев постигает жизнь эмпирически, прежде всего чувствуя. И поэтому, если говорить о сознательном духовном разрыве его со своим сословием, то это если и происходит, то только тогда, когда Несчастливцев на собственном опыте постигает истинную ценность человеческих «добродетелей» Гурмыжской, Буланова. Показывая этот разрыв в финале пьесы, Островский поднимает Несчастливцева до высоты Чацкого и наполняет его последний монолог драматическим пафосом. Позволим себе напомнить эту речь героя:

«Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев!»[Т. 6].

То, что последняя реплика Несчастливцева («Послушай, Карп! Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в город; скажи, что господа пешком пошли») содержит прямую реминисценцию из финальной же реплики Чацкого («Карету мне! Карету!»), отмечалось А.И.Журавлевой¹⁸.

Безусловно, Несчастливцев — носитель протеста, но протеста не общественного, а нравственного, протеста благородной природы против окружающей низости. Несчастливцев противопоставлен другим персонажам комедии именно по этому внутреннему качеству. Антипод Несчастливцева — Буланов, и пару Несчастливцев — Буланов вполне можно сопоставить с парой Чацкий — Молчалин¹⁹.

Диалоги Несчастливцева и Буланова построены на контрасте: честный, благородный, пылкий Несчастливцев и расчетливый, низкий, пресмыкающийся Буланов. Как будто из пьесы Грибоедова взяты слова Несчастливцева, обращенные к Буланову:

¹⁸ Журавлева А.И. Комедия Островского "Лес" // Рус. словесность. М., 1993. №2. С.42 — 48.

¹⁹ Гришунин А.А. Островский и Грибоедов. М., 1974. С.82.

«Несчастливцев. Браво! Где же это ты научился в такие младенческие годы?

Буланов. Чему-с?

Несчастливцев. Подыгрываться-то, братец, угождать, ползать-то?

Буланов. Нужда научит-с.

Несчастливцев. Нужда? А почему ты ее знаешь, эту нужду-то?

Буланов. Как мне не знать-с? Я в жизни очень несчастлив-с.

Несчастливцев. Вздор, не верю. Ты счастлив. Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет» [Т. 6].

Хотя Несчастливцев относительно молод (ему тридцать пять лет), героя легко воспринять как человека, в основном отжившего. Несчастливцев не в силах сознательно противиться обстоятельствам; по его собственным словам, он «втоптал в грязь» свою молодость. О своём будущем он говорит Аксёше: «Я бедней тебя, я прошел пешком сотни верст, чтобы повидаться с родными; я не берег себя, а берег это платье, чтоб одеться приличнее, чтоб меня не выгнали. Ты меня считаешь человеком, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи — нет у меня их. Сестра, сестра! не тебе у меня денег просить! А ты мне не откажи в пяточке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу опохмелиться. Мне пяточок, пяточок! Вот кто я!» [Т. 6].

Рассматривая образы дворянских героев Островского, мы, конечно, относим образ Несчастливцева к наиболее сильным и привлекательным характерам, однако назвать Несчастливцева «высоким героем» в полном смысле этого слова мы не можем.

2.2. Образ Несчастливцева в русской критике

В критической литературе образ Несчастливцева трактовался неоднозначно. Многие отмечали противоречивость и сложность характера Несчастливцева. Так, например, Н.Н.Страхов в 1871 году в «Заре» отмечал, что Несчастливцеве — «смесь добрых инстинктов и актерской привычки порисоваться, самого глупого фанфаронства и самого искреннего расположения помочь другому в беде»²⁰. Неизвестный автор в «Русском мире» писал о Несчастливцеве, что он «горемыка-труженик, с горячим сердцем, горячей головой», человек, живущий настоящим. Отмечая артистичность души героя, его типично русскую натуру, автор называл Несчастливцева жертвой всё подавляющего эгоизма²¹.

«Петербургский листок» (1871, №219), «Санкт-Петербургские ведомости» (1871, №71), «Голос» (1871, №304) чрезвычайно резко и недоброжелательно отзывались как о пьесе в целом, так о ее герое Несчастливцеве. «В этой травле смыкаются лагери либеральной, консервативной реакционной прессы. Именно в этот период, наряду с откровенными попытками полной дискредитации творчества Островского, возникает тенденция к выхолащиванию социальной значимости его деятельности, стремление изобразить Островского лишь как бытового писателя, зачеркнуть обличительную сущность его новых произведений»²².

В то же время в письмах Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Толстого, Гончарова к Островскому мы находим горячие похвалы, самые положительные отзывы о замысле пьесы, о её воплощении на сцене.

О.Ф.Миллер писал, что в лице Несчастливцева Островский вывел

²⁰ Цит. по: Зелинский В.А. Цит. изд. Ч.4. С.42.

²¹ Там же. С.50.

²² Измайлова Е.В. «Комедия Островского «Лес». М., 1955. С.18.

перед нами совершенно новый тип артиста. Уже в Любиме Торцове звучала несколько артистическая струнка. В Несчастливцеве она не заглохла, указала ему на его настоящий путь, не дала ему сгинуть в так называемой «широкой жизни» и окончательно развила в нём ширь иного закала, душевную ширь²³.

Подробная, хотя и спорная, характеристика дана Ф.М.Осносом: «Дворянин по происхождению, Несчастливцев порвал со своим сословием ради служения искусству. Он на себе испытал бесчеловечность и жестокость среды, и это содействовало его духовному разрыву с ней. Несчастливцев стал актёром-трагиком, причём трагиком романтического характера». В Несчастливцеве слились актер и человек, причем сам герой зачастую не знает, где кончается актер, а где начинается человек. Несчастливцев, считает исследователь, наделён всеми недостатками, свойственными русскому провинциальному актёрству пореформенной поры. Автор справедливо обращает наше внимание на самовлюбленность и самолюбование Несчастливцева, на его грубость и надменность по отношению к Аркадию Счастливицеу. Но «...в завершении пьесы актёр и человек в Несчастливцеве приходят к полному и высшему единству... возникает сильная, свободная, гордая личность, художник»²⁴.

К.Н.Державин оценивает Несчастливцева как носителя благородного «шиллеровского протеста» против жестокого эгоизма и «лесной» лжи. По мысли автора, Геннадий Несчастливцев и Аркадий Счастливицеу — истинные герои пьесы, в их образах воплощена «идея свободного искусства»²⁵.

²³ Миллер О.Ф. Русские писатели после Гоголя.. Спб., 1910.

²⁴ Оснос Ф.М. В мире драмы. М.,1971. С.261-267.

²⁵ Державин К.Н. А.Н.Островский. М.;-Л., 1962. С.129.

Е.М.Измайлова в диссертации, посвященной монографическому анализу «Леса», пишет, что, приступая к созданию пьесы, Островский продолжает развитие той драматургии, которую Добролюбов определил как создание «пьес жизни». Несчастливцев не только психологически, но и социально противопоставлен силам «тёмного царства», он является носителем общественного протеста. Специфическая особенность этого образа состоит в неповторимом сочетании черт характера Несчастливцева, в его ярко выраженной принадлежности к театру»²⁶.

В своей монографии «А.Н.Островский и русская драматургия его времени» Л.М.Лотман характеризует Несчастливцева и Счастливецца как «приземлённых» героев. Они — типичные провинциальные актеры. «Жалкое состояние провинциального театра отразилось на их положении в обществе, повлияло на их внешние манеры, вкусы, взгляды. Однако то обстоятельство, что они «отщепенцы», по собственному желанию порвавшие с эксплуататорской средой, отказавшись от материальных благ ради служения искусству, ради актерского труда, поднимает их над окружающей средой. Оба они люди свободные от буржуазного эгоизма и дворянской праздности. Правда, свой уход из мира материальных интересов и праздности они совершают в значительной степени инстинктивно...»²⁷

А.И.Штейн отмечает близость комедии Островского к произведениям Салтыкова-Щедрина: «Проницательный Островский относился к господам помещикам и к либеральному словоблудию столь же презрительно и иронически, как Щедрин». А.И.Штейн считает, что трагическая судьба Несчастливцева порождена его благородством. Автор

²⁶ Измайлова Е.М. Комедия Островского «Лес». М., 1965. С.27.

²⁷ Лотман Л.М. «А.Н.Островский и русская драматургия его времени». М.,_Л.,1961. С.2679-286.

также отмечает склонность Несчастливцева к позерству, и, вместе с тем, он считает, что в финале пьесы мы имеем право говорить, что Несчастливцев близок к Чацкому²⁸.

Пьеса «Лес» вызвала многочисленные отрицательные рецензии после её появления, однако эта комедия является самой репертуарной пьесой драматурга, поскольку морально-этические проблемы, которые затронуты автором, язык героев пьесы узнаваемы и актуальны всегда.

2.3. Лыняев как комический образ «лишнего человека»

В пьесе «Волки и овцы» Островский изобразил трех представителей дворянского общества. Один из них порвал с традиционным жизненным укладом русского помещика. Два других остались в рамках своего сословия и характеризуют, правда, с разных сторон, вырождение этого сословия. Об одном из них, Аполлоне Мурзавецком, уже говорилось в первой главе. Другой охарактеризован Островским таким образом: «Михаил Борисович Лыняев, богатый, ожиревший барин, лет под пятьдесят, почётный мировой судья».

Уже не раз отмечалась родственность образов Лыняева и Обломова. Если сравнивать Лыняева с другими героями пьесы, то можно заметить, что по природе своей Лыняев гораздо выше остальных героев пьес, но его душевные качества почти полностью атрофировались. Мы застаем Лыняева в то время, когда он ведет уже совершенно растительный образ жизни, живет «от обеда до обеда», заполняя промежутки лежанием на диване, совершенно беспомощный и безвольный, как ребёнок. Недаром он попадает в разряд «овец», в отличие от хищника Беркутова:

²⁸ Штейн А.И. Мастер русской драмы. М., 1973. С.220.

«Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! Да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влечется.

Мурзавецкая. Тебе всё волки мерещатся, — пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу.

Лыняев. Честь имею кланяться! До свиданья, Анфуса Тихоновна.»[Т. 7].

Но в то же время Лыняев благороден, добр. Он — единственный бескорыстный союзник Кулавиной. Он берется раскрыть ухищрения Чугунова и искренне сочувствует Кулавиной. Беркутов отмечает его «ребячество» — то есть прямодушие, непосредственность. Беркутов говорит Лыняеву: «Твое вольнодумство начинает выдыхаться», что свидетельствует об определенных общественно-политических взглядах Лыняева. Сам Лыняев в шуточной форме о себе говорит: «Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею скоро, забота есть», что вполне соответствует действительности. Именно в его уста Островский вкладывает главную мысль пьесы: «Да разве кругом нас люди живут? Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать» [Т. 7].

Но, несмотря на свои душевные достоинства, Лыняев в комедии оказывается только лишь «овцой», которую благополучно съедает хищная Глафира. Фигура Лыняева носит комический оттенок, и его

беспомощность вызывает смех в сцене, безусловно, несколько утрированной Островским, но верной по существу («(сквозь слезы). Ну, что ж! Ну, я женюсь»).

Критики-современники Островского, обсуждая «Волков и овец», основное внимание уделяли образу Беркутова, о Лыняеве писалось значительно реже и меньше. Например, «Санкт-Петербургские ведомости» от 1875 года поместили статью Маркова, где о Лыняеве говорится только лишь, что он ожиревший барин, ни к чему не способный. Сама его фамилия, по мнению автора, указывает на это (Лыняев — отлынивает от всего).

Итак, в этой главе мы рассмотрели несколько героев-дворян, изображенных Островским с симпатией, хотя выражение «положительный герой» к ним применить нельзя: каждый из этих героев бывает комичен и жалок. Видимо, последовательная идеализация драматического героя, вполне уместная в эпоху Грибоедова, во времена Островского могла восприниматься как фальшь, отказ от стремления к правдоподобию.

Видимо, неслучайно симпатичные герои, способные хоть в какой-то степени противостоять обществу, соотносятся у Островского, если они дворяне по происхождению, с классическими «высокими героями», прежде всего с Чацким. И Жадов, и Несчастливцев представляют собой новую версию Чацкого в новых, гораздо менее благоприятных для героя-резонера исторических условиях. Внешняя (да и внутренняя) безупречность, фактурный блеск героя оказываются безвозвратно потеряны.

Что же касается Лыняева, то он близок к несколько иной ветви

традиции – он похож на «лишних людей», но, в отличие от них, подан преимущественно в комическом плане (возможность юмористического отношения к «лишним людям», не исключая, впрочем, возможности серьезного сочувствия и уважения, первым показал, как известно, Гончаров в своем «Обломове»).

